

Захарова Л.И., Ильинская О.И.
РАБОТА СЕКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА НА
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВОВАЯ
ПОЛИТИКА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ» (IV КУТАФИНСКИЕ ЧТЕНИЯ)

В МГЮА имени О.Е.Кутафина 28 ноября 2012 г. состоялись IV Кутафинские чтения, в рамках которых плодотворно работала секция международного публичного права. Свои доклады по актуальным проблемам международного права представили ведущие юристы-международники из различных вузов России и Болгарии. По ряду вопросов возникла весьма оживленная научная дискуссия.

Ключевые слова: секция международного публичного права, актуальные проблемы международного права, дискуссия.

Zakharova L.I., Ilyinskaya O.I.
THE WORK OF THE INTERNATIONAL PUBLIC LAW SECTION WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE «LEGAL POLICY: CONTEMPORARY CHALLENGES»
(IV KUTAFIN READINGS)

On November 28, 2012 the Fourth Kutafin Readings took place in the Moscow State Law Academy named after Oleg E.Kutafin. The international public law section which was set up within the framework of the conference worked quite successfully. Leading international lawyers from various Russian and Bulgarian academic institutions presented their reports on burning issues of international law some of which produced a lively scientific discussion.

Keywords: international public law section, burning issues of international law, discussion.

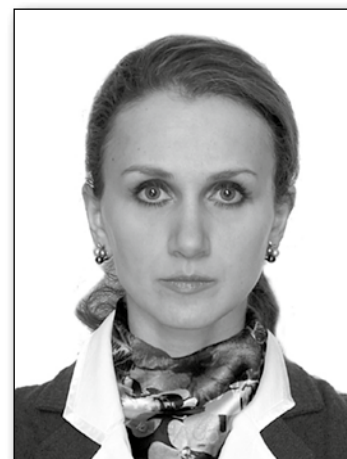
28 ноября 2012 г. в Московской государственной юридической академии имени О.Е.Кутафина состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Правовая политика: вызовы современности» (Кутафинские чтения).

Секция международного права работала с 10 до 18 часов в зале заседаний Диссертационного совета МГЮА имени О.Е.Кутафина. Работу секции открыл К.А. Бекашев – заведующий кафедрой международного права МГЮА имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ. Он пожелал конструктивной работы всем участникам секции, в числе которых были начальник правового отдела Региональной делегации Международного комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси, Молдове и Украине А.Ш. Крюков и учёный секретарь Российской ассоциации международного права Л.В. Корбуг.

Первым свой доклад представил заведующий кафедрой международного права МГУ им. М.В.Ломоносова, к.ю.н., доцент А.С. Исполинов. Тема доклада – «Антитеррористические санкции СБ ООН и международные суды: продолжение противостояния (решение ЕСПЧ по делу Nada)». Речь шла об оспаривании резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН. Как отметил докладчик, противостояние Совета Безопасности и национальных, а также международных судов продолжается. Происходит это в связи с тем, что СБ значительно расширил свои полномочия, что позволяет ему принимать резолюции, возможность разработки которых не предполагалась при создании ООН. Речь, в частности, идёт о так называемых «умных» санкциях в отношении физических лиц («замораживание» счетов и т.п.), которые устанавливаются лишь на основании подозрения. Подобные санкции воспринимаются как нарушение прав человека. При этом первым наперекор Совету Безопасности пошёл Суд Европейского Союза, который вывел бизнесмена Кади из списка лиц, в отношении которых Советом Безопасности были предусмотрены подобные меры, указав, что в пределах Европейского Союза действует свой право-

вой порядок. Одновременно с этим Суд подчеркнул, что его решение ни в коей мере не ставит под сомнение полномочия Совета Безопасности. А.С. Исполинов обратил внимание на то, что указанное противостояние оказывает влияние на развитие международного права. Также было отмечено, что Большая палата ЕСПЧ будет рассматривать дело Кади-2.

Далее возможность выступить с докладом на тему «Политико-правовая формула обеспечения безопасности мирового сообщества» была предоставлена д.ю.н., проф. Е.Г. Ляхову (Университет МВД). Докладчик отметил, что «формулы звучат как парадигмы решения тех или иных вопросов». Успешно решить вопрос обеспечения безопасности конкретного объекта возможно лишь в следующей связке: «объект безопасности» (например, личность) – «определение угроз, могущих возникнуть в любой форме» – «определение субъектов, которые обеспечивали бы безопасность». По мнению Е.Г. Ляхова, юристам следует подумать о правовом закреплении положения и объекта безопасности, и угрозы. В концепциях мы определяем те угрозы, которые есть и которые могут возникнуть. Далее было отмечено, что «при определении субъектов надо, чтобы право действовало на полную мощность» (здесь встают вопросы компетенции, юрисдикции и т.д.). Что касается объектов обеспечения безопасности, то, как полагает Е.Г. Ляхов, их насчитывается три вида: социальные объекты, технические объекты, природно-технические объекты. Например, социальными объектами являются личность, национальное общество, мировое сообщество, которое, по его мнению, включает три составляющие – государство, межгосударственную систему и глобальное гражданское общество. В свою очередь, угрозы следует подразделять на глобальные и криминальные. Далее,

Захарова Л.И.

Ильинская О.И.

говоря о субъектах обеспечения безопасности, было указано на существование «субъектов самообеспечения безопасности».

Ведущий научный сотрудник, д.ю.н. В.С. Котляр (Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт прикладных экономических исследований) посвятил свой доклад проблеме правомерности концепции «Ответственность за защиту» («От концепции «гуманитарной интервенции» к концепции «ответственной защиты»). Им было подчёркнуто, что центральной проблемой современного международного права является вопрос о допустимости и пределах допустимости вмешательства. Как известно, Устав ООН чётко закрепил положение о неправомерности любого вмешательства. Однако доктрина НАТО 1996 г. и доктрины США включали возможность вмешательства без санкции Совета Безопасности. Относительно понятия «гуманитарная интервенция» докладчик отметил, что оно в настоящее время практически не используется. На смену пришла концепция «ответственности за защиту», предполагающая, в первую очередь, приоритет мирных средств урегулирования, а также устанавливающая, что любое вмешательство должно основываться на решениях Совета Безопасности ООН. Далее В.С. Котляр подверг анализу события, имевшие место в Ливии. По его мнению, действия, последовавшие после принятия известной резолюции СБ ООН №1973, скомпрометировали означенную концепцию, метод проведения военной операции подорвал к ней доверие. По мнению докладчика, следует говорить об «ответственности при защите», что означает следующее: на протяжении периода проведения санкционированной Советом Безопасности операции любые предпринимаемые меры должны отвечать требованиям соразмерности и пропорциональности.

Доктор юридических наук, профессор В.А. Карташкин (ИГП РАН) выступил с докладом на тему «Права человека и принцип невмешательства». Как было отмечено, не всегда можно ссылаться на старые догмы международного права. Многие положения Устава ООН претерпели изменения в результате последующего принятия многочисленных международных договоров. Например, изменилась ситуация относительно соотношения принципов невмешательства во внутренние дела государств и уважения прав человека и основных свобод. Докладчик указал, что первые международные договоры, предусматривавшие учреждение специальных комитетов по защите прав человека, – Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. – изначально предусматривали возможность вынесения Комитетом по правам человека и Комитетом по ликвидации всех форм расовой дискриминации лишь общих рекомендаций государствам, что означало невозможность указания данными органами на конкретные нарушения прав человека. Позже эти органы были уполномочены рассматривать индивидуальные жалобы, что означало предоставление им возможности указывать на конкретные нарушения.

Как известно, в 2006 г. ГА ООН своей резолюцией учредила Совет по правам человека, была предусмотрена процедура универсального периодического обзора, означающая, что все члены ООН обязаны предоставлять доклады о соблюдении ими прав человека вне зависимости от их участия в тех или иных конвенциях. В связи с этим В.А. Карташкин задаётся вопросом: «Можно ли говорить о том, что обсуждение подобных вопросов является вмешательством во внутренние дела государств?». Отвечая на него, он подчёркивает, что вопросы защиты прав человека не относятся исключительно к внутренней компетенции, т.к. если государства согласились на

обсуждение вопросов соблюдения и защиты прав человека в рамках соответствующих международных органов, а также на вынесение подобными органами рекомендаций, это, по сути, является свидетельством формирования новой нормы международного права.

Далее профессор В.А. Карташкин затронул весьма актуальный и обсуждаемый вопрос о т.н. «списке Магнитского», что обусловлено имеющей распространение точкой зрения, согласно которой составление указанного списка является вмешательством во внутренние дела России. По мнению докладчика, о вмешательстве можно говорить лишь в том случае, если виновность лиц, включённых в этот список, не доказана. Напротив, если их виновность доказана, то о вмешательстве говорить нельзя.

Профессор Дипломатической академии МИД РФ, к.ю.н. Б.М. Ашавский в своём докладе также затронул проблему «ответственности за защиту» (RtoP). По его мнению, Российской Федерации следует разработать собственную концепцию. При этом докладчик отметил, что обсуждаемая ныне концепция «Ответственность за защиту» не подкреплена правовыми нормами, она не сформулирована в каком-либо международно-правовом акте. Было указано, что основной постулат указанной концепции состоит в следующем: государство во всех случаях, а международное сообщество при определённых обстоятельствах должно прилагать усилия для защиты гражданского населения от геноцида, этнических чисток и иных видов преступлений против человечности, военных преступлений. В этой связи Б.М. Ашавский отмечает, что корректнее говорить об обязанности защищать, в то время как существующая концепция RtoP лишь словесно «переодела» непопулярную ныне концепцию «гуманитарной интервенции». Поэтому концепцию, которую целесообразно выдвинуть России, следует назвать «Обязанность защищать». При разработке подобной концепции Россия могла бы заимствовать некоторые положения из модели, разработанной Китаем.

С докладом на тему «Международно-правовые проблемы региональной интеграции» выступил заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, д.ю.н., профессор А.И. Абдуллин. Он отметил, что процессы региональной интеграции являются повседневым фактом в современной жизни, поскольку большинство ныне существующих государств входят в те или иные интеграционные формирования. Докладчик уделил особое внимание вопросу анализа правовой природы интеграционных образований, указав, что интеграционные образования представляют собой разновидность международных межправительственных организаций, которые, в свою очередь, подразделяются на две группы – организации сотрудничества и организации интеграции. Было также констатировано, что в связи с созданием Европейского Союза получила развитие концепция наднациональности в международном праве, которая, как известно, не встречает однозначного понимания в теории. Далее А.И. Абдуллин раскрыл признаки, которыми должна обладать наднациональная организация. В их числе: решения подобной организации носят обязательный характер для государств-членов; организация вправе принимать решения в отношении физических и юридических лиц государств-членов; такая организация наделена полномочиями по принудительному обеспечению своих решений; финансовая самостоятельность организации. В этой связи докладчик поставил следующий вопрос: приводит ли существование организаций, обладающих названными признаками, к ограничению суверенитета государств-членов таких организаций?

По мнению А.И. Абдуллина, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку государства, вступающие в подобные организации, не теряют, а реализуют свои суверенные права.

Часто в целях обоснования самостоятельной природы интеграционных образований приводят тезис о приоритете их норм над национальным правом. Но, как подчёркивает докладчик, этот тезис не противоречит общепризнанному положению о верховенстве международного права над правом национальным.

Также в доктрине исследуется проблема соотношения международного права и интеграционного права. Затрагивая этот вопрос, А.И. Абдуллин высказал позицию, согласно которой верным следует считать подход, в основу которого положен принцип *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет общий). В этой связи следует говорить о подсистемах международного права (региональный, субрегиональный уровни международного права). Поэтому правомерно говорить о существовании, например, «права МЕРКОСУР», «права ЕврАзЭС» и т.д. В любом случае «краеугольным камнем» во всех интеграционных образованиях является государство. Что же касается интеграционного права, оно позволяет упорядочить взаимоотношения международного права и права национального. Завершая своё выступление, А.И. Абдуллин отметил, что интеграционное право – феномен, требующий дальнейшего исследования.

Оживленную дискуссию вызвало выступление А. А. Моисеева, д.ю.н., профессора, декана Факультета международного права Дипломатической академии МИД России, посвященное международно-правовым аспектам позиции России в Арктике. В своем докладе он охарактеризовал ситуацию в Арктике в связи с возможностью раздела континентального шельфа Северного Ледовитого океана между приарктическими государствами и обосновал права Российской Федерации на континентальный шельф в соответствии с Конвенцией по морскому праву 1982 г. По нормам Конвенции, на недра Арктики за пределами 200 морских миль могут претендовать пять государств – Дания, Канада, Норвегия, Россия, США, что вызывает понятную озабоченность не только у других арктических государств, но также и у неарктических государств, например, у Китая, Южной Кореи, Японии и др., которые считают, что политика полярных государств, стремящихся поделить Арктику между собой, является недальновидной и дестабилизирует ситуацию в регионе.

Новую волну интереса к Арктике вызвала беспрецедентная полярная экспедиция на Северный полюс в августе 2007 г., когда глубоководные батискафы «Мир-1» и «Мир-2» опустились на дно Северного Ледовитого океана и установили там российский флаг. Международное сообщество отреагировало на экспедицию негативно, восприняв усиление российского фактора как сигнал к переделу Арктики. Неоднозначны были оценки экспедиции 2007 г. и в самой России. Одни одобряют такой геополитический вызов из патриотических чувств, другие заявляют, что Арктика – это достояние всего человечества, и она не является собственностью полярных государств.

Между государствами нет единого понимания относительно того, как должно быть осуществлено разграничение в Арктике. В арктическом регионе существуют спорные участки между Канадой и Данией, Канадой и США, Россией и Данией, Канадой, Норвегией. Помимо Сибирского континентального шельфа, в точку Северного полюса выходят и пересекаются континентальный шельф США со стороны Аляски, континентальный шельф Дании со стороны Гренландии и континентальный шельф Канады.

Россия первой из арктических государств в 2001 г. подала заявку в Комиссию по границам континентального шельфа. Россия доказывает, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются естественным продолжением Сибирской

континентальной платформы. Достаточным результатом для России будет расширение континентального шельфа в Северном Ледовитом океане с 200 до 350 морских миль. Уточненная заявка России на арктический шельф будет готова к 2013 г. Основой её заявки должны стать геолого-геофизические результаты исследований полярной экспедиции научно-экспедиционного судна «Академик Федоров», проведенных на 20 000 участках шельфа. Помимо России, свои заявки также подали Норвегия, Дания и Канада. США представят заявку в случае ратификации Конвенции.

Некоторые российские ученые, оппонировав официальной позиции, выступают за необходимость отстаивания секторального подхода и считают, что конвенционный подход не только устанавливает иной правовой режим, но и «уменьшает» пространство российского влияния в арктическом регионе. Официальные заявки других полярных государств в основном повторяют границы ранее существовавших секторов. Особенно сильное возражение российских оппонентов вызывает односторонний «отказ» в официальной российской заявке от т.н. «района А», располагающегося примерно между западной границей российского континентального шельфа и заявленной границей шельфа от хребта Ломоносова.

Секторальная арктическая система сложилась на основе длительного, единообразного фактического разграничения прав и интересов полярных государств, признания за ними приоритетов в исследовании и освоении различных районов Арктики – такое разграничение получило в международном праве в XX веке обычно-правовое признание.

Другим важным аргументом российского присутствия в Арктике являются уникальные экологические условия, уязвимость арктической экосистемы. Правовыми экологическими нормами активно пользуются другие государства региона. Россия найдет немало дополнительных аргументов в пользу природоохранной защиты арктического бассейна с его хрупкой экосистемой.

Вывод, который был сформулирован А.А. Моисеевым в финале его выступления, следующий: даже предварительный анализ показывает, что России сложно рассчитывать на постоянных союзников в Арктике. Реальным путем защиты российских интересов в арктическом регионе остаются геологические исследования и работа по международно-правовому обеспечению российской позиции по разграничению арктического пространства.

Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, д.ю.н. И.З. Фархутдинов выступил с докладом на тему «Международное экономическое право: некоторые доктринальные проблемы развития». Было констатировано, что международное экономическое право (МЭП) является одной из самых динамично развивающихся отраслей международного права. При этом добровольное устранение экономических границ самими государствами создаёт феноменальные правовые проблемы. Наиболее ярко это проявляется в том, что международные отношения функционируют при взаимодействии и противодействии национальных правовых систем. Поэтому одной из важнейших задач МЭП становится избежание коллизий международного и внутригосударственного права при регулировании международных экономических отношений, что требует своевременной договорно-правовой регламентации отношений между различными субъектами как международного публичного права, так и международного частного права. Результатом углубления глобализационных процессов являются взаимозависимость и взаимодействие национальных экономик. В этой связи, как подчеркнул докладчик, роль

МЭП существенно возрастает. При этом И.З. Фархутдинов полагает, что следует признать возможность расширительного и ограничительного толкования МЭП (как известно, в теории и практике международного права противостоят две концепции определения понятия МЭП: т.н. расширительная и ограничительная), поскольку такой теоретический подход способствует признанию особой сложности в определении, например, субъектного состава участников.

А.С. Исполинов

Затронув вопрос источников МЭП, докладчик отметил появление новых тенденций. В МЭП принципиальное место занимают акты международных организаций и односторонние акты государств. С многосторонними и двусторонними международными договорами конкурирует практика заключения межведомственных соглашений, а также неформальных договорённостей. Широко внедряются в практику типовые международные договоры.

Кроме того, по мнению И.З. Фархутдинова, науке МЭП целесообразно исследовать меры разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект. В западной юридической доктрине утвердилась точка зрения, признающая правомочными меры разумного государственного вмешательства в деятельность инвестора. Эта доктрина нашла подтверждение и в международной арбитражной практике.

Завершая своё выступление, докладчик подчеркнул, что дальнейшая эволюция МЭП, углубление его взаимодействия с внутригосударственным правом органично обусловлена всесторонней интернационализацией национальных правовых систем.

Д.ю.н., проф. Г.С. Стародубцев, заведующий кафедрой международного права Российской правовой академии, выступил с международно-правовым обозрением Сталинградской битвы, 80-летие окончания которой будет отмечаться 2 февраля 2013 г. Битва длилась с 17 февраля 1942 г. до 2 февраля 1943 г., причем до 19 февраля 1942 г. длился оборонительный этап, потом началось наступление Красной армии, которое завершилось капитуляцией фашистских войск под командованием фельдмаршала Ф. Паулюса. Потери советских войск составили 643 тыс. чел., германских – 841 тыс. чел.

Докладчик привлек внимание аудитории к двум моментам. Во-первых, в ходе битвы использовался институт парламентёров, закрепленный в Четвертой Гаагской конвенции «О законах и обычаях войны» от 18 октября 1907 г., глава III ко-

торой посвящена парламентарам. По ст. 32 Конвенции парламентаром считается лицо, уполномоченное одной из воюющих сторон вступить в переговоры с другою и являющееся с белым флагом. Как сам парламентар, так и сопровождающие его трубач, горнист или барабанщик, лицо, несущее флаг, и переводчик пользуются правом неприкосновенности. В ноябре 1942 г. советские войска широко использовали парламентаров в переговорах с союзниками Германии – Румынией, Италией. Зимой 1942 г. предпринимались попытки их использования в переговорах с фельдмаршалом Ф. Паулюсом. Однако тот отказался от встречи с парламентарями, сославшись на то, что пункты ультиматума ему известны из радиопередачи.

Во-вторых, 27 июля 1929 г. была подписана Конвенция об обращении с военнопленными, в которой Советский Союз не участвовал. Ст.82 Конвенции обязывала участвовавшие государства соблюдать конвенционные положения при всех обстоятельствах. Под Сталинградом было пленено, по разным оценкам, от 91 до 110 тыс. чел. Из них в Германию вернулись 5-6 тыс. чел. Высокий уровень смертности объяснялся климатическими условиями – суровыми морозами зимы 1943 г. В целом анализ статистических данных потерь в ходе Великой отечественной войны свидетельствует о том, что в советском плену погибло 14,9 % германских военнопленных, а в немецком плену – 57,3 % советских военнопленных. К кому отношение было лучше? Этим риторическим вопросом Г.С. Стародубцев закончил свое выступление.

С докладом о применении норм международного гуманитарного права выступила доцент кафедры международного права Высшей школы экономики В.Н. Русинова. В начале выступления она перечислила международные вооруженные конфликты и вооруженные конфликты немеждународного характера на европейском континенте за период с момента принятия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ) по настоящее время и повлекшие за собой обращение в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Их результатом стали судебные решения по нарушениям, имевшим место при вторжении Турции на территорию Кипра, в 1996, 2001 гг., при вынесении которых не возникло серьёзных коллизий между положениями ЕКПЧ и нормами международного гуманитарного права. Попытка указать на нарушения ЕКПЧ в ходе операции сил НАТО в Югославии привела к тому, что жалоба Банковичей и других была признана неприемлемой. В середине 90-х гг. появилась группа «турецких дел», а начиная с 2005 г. ЕСПЧ стал выносить решения по весьма многочисленным жалобам против России в связи с проведением контртеррористических операций на территории Чечни. После 8-дневной войны между Россией и Грузией в ЕСПЧ были направлены жалобы против обоих государств, в этом же суде рассматривается соответствующий межгосударственный спор. В 2011 г. было вынесено решение по делам, связанным с оккупацией Ирака. После этого В.Н. Русинова констатировала, что ЕСПЧ ни разу до 2011 г. не ссылался на нормы международного гуманитарного права, хотя использовал его терминологию – «комбатанты», «гражданское население», «неизбирательное оружие», «все возможные меры предосторожности», «случайные потери среди гражданского населения». Это давало повод называть ЕСПЧ находящимся в «башне из слоновой кости».

В настоящее время наблюдается интеграционный подход – положения международного гуманитарного права не игнорируются ЕСПЧ, а наоборот, активно используются. Среди прав человека, урегулированных ЕКПЧ и международным гуманитарным правом, на рассмотрении ЕСПЧ, как правило,

оказывались вопросы, связанные с защитой права на жизнь. Анализ этих решений позволяет сделать следующие выводы о формирующихся подходах суда. Во-первых, правомерность применения силы в отношении сражающихся, боевиков, террористов и сепаратистов ЕСПЧ ставит в зависимость не от наличия или отсутствия вооружённого конфликта, а от особенностей конкретной ситуации: суд отделяет боевые ситуации и сражения от операций по розыску и задержанию террористов или боевиков. Во-вторых, ЕСПЧ проверяет пропорциональность применения силы как в отношении «сражающихся», так и в отношении гражданского населения, и не рассматривает случайную гибель гражданских лиц автоматически как нарушение права на жизнь, что позволяет сделать вывод о допустимости причинения так называемого «косвенного ущерба». В-третьих, ЕСПЧ придерживается узкого подхода к «непосредственному участию в военных действиях». В-четвертых, во всех случаях причинения ущерба гражданскому населению в ходе военных столкновений с оппозиционными группами ЕСПЧ признавал нарушения не негативных, а позитивных обязательств государств по планированию или проведению операции, когда не были предприняты меры по минимизации случайных потерь среди мирного населения. В-пятых, когда ЕСПЧ признавал принцип пропорциональности нарушенным, к подобному выводу привело бы и применение международного гуманитарного права. Исключение составляют две обязанности: это требование о наличии чёткой правовой базы для применения силы в боевых ситуациях, а также необходимость проводить адекватное и эффективное расследование всех случаев применения силы, а не только тех, которые могут быть квалифицированы как военные преступления.

К.А. Бекашев

С докладом по теме «Тенденции универсализации и регионализации в международном трудовом праве» выступил к.ю.н., доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета Р.Ш. Давлетгильдеев. После Второй мировой войны в международном трудовом праве долгое время просматривались две параллельные тенденции универсализации и регионализации правового регулирования. С одной стороны, была создана уни-

версальная Организация Объединенных Наций и образована система ООН. Устав Международной организации труда также исходит из универсалистской концепции международного права и не содержит специальных положений, признающих региональные организации или соглашения. МОТ не вырабатывает конвенции или рекомендации для конкретного региона, ее нормотворческая функция остается универсальной, суть ее региональной деятельности заключается в адаптации универсальных международных трудовых стандартов к региональным условиям. С другой стороны, в послевоенное время начали появляться крупные региональные организации практически на каждом континенте (ЛАГ, ОАГ, Совет Европы, ЕЭС, ОБСЕ, МЕРКОСУР и др.) – они регулируют множество вопросов, в том числе и трудовые отношения в пределах своего региона.

В настоящее время специфика региональных механизмов, созданных в Европейском Союзе (далее – ЕС) и Совете Европы, дает основание полагать, что баланс универсального и регионального регулирования может быть нарушен в пользу последнего. По ряду вопросов уровень трудовых стандартов в ЕС выше, чем на универсальном уровне. Однако в случае конкуренции трудовых прав и основных экономических свобод институты ЕС последовательно поддерживают опорные положения, на которых зиждется единый рынок, даже если такой подход вступает в противоречие с универсальными нормами международного трудового права. Примером может служить практика Суда ЕС по делам *Викинг*, *Лаваль*, *Руфферт*. В рамках Совета Европы ЕСПЧ обеспечивает защиту трудовых прав, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., достаточно часто ссылаясь в своих решениях на нормы конвенций МОТ, однако такая практика может в любой момент измениться, учитывая общий подход ЕСПЧ к применению универсальных норм международного права. Защита социальных прав, закрепленных в Европейской социальной хартии, обеспечивается благодаря деятельности Европейского комитета по социальным правам, в том числе в рамках особой процедуры рассмотрения коллективных жалоб, что позволяет говорить о формировании своего самостоятельного квазипрецедентного права.

Доцент кафедры экологического и земельного права РАП, к.ю.н. Е.А. Высторбец совместно с доцентом кафедры экологического и земельного права СГЮА, доцентом, с.н.с. Центра интерэкоправа ЕврАзНИИПП Е.Н. Абаниной подготовили обзор событий, наиболее значимых для исследований в интерэкоправе за последний период.

Ярчайшим событием в отрасли в 2012 г. был назван первый отечественный учебник по международному экологическому праву под редакцией Заслуженного юриста Российской Федерации, д.ю.н., профессора Р.М. Валеева (М.: Статут, 2012). Иными специализированными научными мероприятиями, послужившими развитию данного направления исследований, явились, по мнению авторов, конференция 23–24 сентября 2010 г. в Институте государства и права НАН Украины имени В.М. Корецкого; Колбасовские чтения в 2010 г.; 3 марта 2011 г. в Филиале РГСУ в г. Чебоксары «IV студенческие чтения, посвященные жизни и деятельности О.С. Колбасова»; 11–12 октября 2012 г. в СГТУ им. Ю.А. Гагарина первая Школа интерэкоправа с участием более 100 чел. из 13 государств. Приближается подведение итогов 2-го международного конкурса работ в области международного экологического права, сравнительного экологического права 2012 г.

Таким образом, в рамках научных специальностей 12.00.06 и 12.00.10 ведется планомерная работа по подготовке проведения в России в 2013 г. Года охраны окружающей среды в соответствии с Указом Президента РФ № 115 от 10.08.2012.

В заключение были названы черты, характеризующие события и исследования интерэкоправа на современном этапе. Во-первых, исследования осуществляются в рамках различных научных специальностей, что способствует сбалансированному, целенаправленному развитию интерэкоправа; во-вторых, возрос интерес к интерэкоправу, повысилась интенсивность исследований в этой области в сравнении с предыдущими годами; в-третьих, Центр интерэкоправа подготовил некоторые условия издания антологии интерэкоправа в 2013 г. – в Год охраны окружающей среды.

(Продолжение следует)

